

RU

Устаревшие лексемы, вербализующие концепт ТАБЫЛЛЫЫ 'УДАЧА' в якутском языке

Прокопьева А. К., Дьяконова А. А.

Аннотация. Целью исследования является выявление устаревших лексем, репрезентирующих концепт ТАБЫЛЛЫЫ 'УДАЧА' в якутском языке. Особое внимание уделено этимологии лексем, значение которых раскрывается только в составе парных слов или устойчивых фраз. Научная новизна заключается в том, что впервые предпринята попытка изучить устаревшие лексемы концепта УДАЧА в якутской лингвокультуре. Материалом исследования послужили толковые словари якутского языка, а также монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Полученные результаты показали, что базовый слой составляют устаревшие в современном якутском языке лексемы концепта ТАБЫЛЛЫЫ 'УДАЧА' «дъайаан», «талаан», «сорсун», «синкэннээх», «туона», «түөрэх кэбис», «дьаралык». Этимологические исследования выяснили, что исконно тюркскими лексемами данного концепта являются лексемы «талаан», «дьолоу», «дьаралык», «туона», «кумулаах киһи»; заимствованными из монгольских языков - «дъайаан», «сарбаһын», «сорсун», «түөрэх»; из тунгусо-маньчжурских - «синкэн/силпэн». На большом лексическом материале доказывается, что значение лексемы «талаан» 'удача' полностью раскрывается в устойчивых лексических комплексах (является вторым компонентом в парных словах), встречающихся в героических эпосах якутского народа - олонхо.

EN

Obsolete Lexemes Verbalising the Concept ТАБЫЛЛЫЫ 'LUCK' in the Yakut Language

Prokop'eva A. K., Dyakonova A. A.

Abstract. The research aims to identify the obsolete lexemes representing the concept ТАБЫЛЛЫЫ 'LUCK' in the Yakut language. Special attention is paid to the etymology of the lexemes, the meaning of which is revealed only in paired words or set phrases. The research is novel in that it is the first attempt to study the obsolete lexemes of the LUCK concept in Yakut linguoculture. Explanatory dictionaries of the Yakut language, as well as the Mongolian and Manchu-Tungus languages served as the research material. The research findings have shown that the base layer is made up of the lexemes of the concept ТАБЫЛЛЫЫ 'LUCK' that are obsolete in the modern Yakut language - дъайаан, талаан, сорсун, синкэннээх, туона, түөрэх кэбис, дьаралык. Etymological studies have found that the lexemes талаан, дьолоу, дьаралык, туона, кумулаах киһи are the original Turkic lexemes of this concept; дъайаан, сарбаһын, сорсун, түөрэх were borrowed from the Mongolian languages; синкэн/силпэн were borrowed from the Manchu-Tungus languages. Based on the large amount of lexical material, it is being proved that the meaning of the lexeme талаан 'luck' is fully revealed in set lexical complexes (it is the second component in paired words) found in Olonkho, the heroic epics of the Yakut people.

Введение

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью исследовать устаревшие лексемы, выражающие концепт ТАБЫЛЛЫЫ 'УДАЧА' в якутском языке. В языке заложена культура народа, его взгляды на жизнь. Это означает, что в языковом материале может быть раскрыта особенность народа и его уникальность. Концепт в языкознании представляет собой: понятие, раскрывающее культуру народа; «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, 2004, с. 43); «вербализованный культурный смысл»; «семантическую единицу "языка" культуры» (Антология концептов: словарь / науч. ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Иваново: Гнозис, 2007. С. 10). Вопрос выявления устаревших лексем концепта УДАЧА представляет существенный интерес для филологов и лингвокультурологов.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: найти в словарях якутского, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков лексемы данного концепта; исследовать этимологии устаревших лексем, вербализующих концепт УДАЧА в якутском языке.

В статье применяются следующие методы исследования: метод сплошной выборки, описательный метод. В качестве материала исследования были использованы:

Алтайско-русский словарь / под ред. А. Э. Чумакаева. Горно-Алтайск, 2018.

Большой академический монгольско-русский словарь (БАМРС): в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. Т. 3.

Большой толковый словарь якутского языка (БТСЯЯ): в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004-2014. Т. IV. К – Күөлэһингнээ. Т. VIII. С: с – сөллөбөр. Т. X. Т. Т. XI. Т: төтөллөөх – тээтэнгээ.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4-х т. М., 1882. Т. IV. Р – В.

Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2.

Кумандинско-русский словарь: ок. 10000 слов: пособие для учащихся / сост., отв. ред. Л. М. Тукмачев. Бийск: Бийский котельщик, 1995.

Монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. СПб.: Наука, 2008. Т. I. Вып. 1-4. А – Күдүөлэт. Т. II. Вып. 5-9. Күдүөрүй – Сыгчыр. Т. III. Вып. 10-13. Та – Ычыны.

Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003.

Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1988. Т. IV. С – Я.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. II. О – Э.

Толковый словарь якутского языка (ТСЯЯ): в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. III. Г – И.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. (с доп.). М.: Прогресс, 1987. Т. IV.

Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. Изд-е 5-е, стереотип. М.: Дрофа, 2002.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке / отв. ред. акад. А. Н. Кононов. Алма-Ата: Наука, 1976.

Эвенкийско-русский словарь / сост. Г. М. Васильевич. М., 1958.

Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. / отв. ред. Г. Д. Санжеев; ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М., 2018. Т. III. Q – Z.

А также использован иллюстративный материал из якутской художественной литературы:

Антология якутской поэзии. Якутск: Якутское книжное издательство, 1967.

Болот Боотур. Весенние заморозки: роман / пер. с якут. М.: Современник, 1974.

Болот Боотур. Сааскы дьыбардар: роман. Якутской: Кинигэ изд-вота, 1984.

Копырин Н. З. Тимофей Сметанин: олобо уонна айымньыта (о творчестве писателя Тимофея Сметанина). Якутск: Кинигэ изд-вота, 1976.

Протодьяконов В. А. Сорсуннаах сонордьут. Якутской: Саха сиринээҕи кинигэ изд-вота, 1978.

Софронов А. Айымньылар: 4 томнаах / хомуйан онгордо В. Г. Семенова. Дьокуускай: Бичик, 2005. Т. 1. Хоһооннор, поэмалар.

Софронов А. И. Талыллыбыт айымньылар: 2 томнаах. Якутской: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1965. Т. 2. Кэпсээннэр. Очерк. Хоһооннор. Поэмалар.

Суорун Омоллоон (Д. К. Сивцев). Талыллыбыт айымньылар: 2 томнаах. Якутской: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1959. Т. 1. Драматической айымньылар.

Тобуроков П. Пережитое: стихи, пьесы, воспоминания, статьи. Якутск: Бичик, 1998.

Теоретической базой исследования послужили труды Ю. С. Степанова (2004), В. И. Карасика (2002), В. А. Масловой (2001), А. Вежбицкой (2011), посвященные описанию и систематизации ценностей культуры, которые заложены в понятиях и концептах. Учитывались работы В. А. Масловой (2001), в которых лингвокультурология представлена как наука, «исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» (с. 9), как «комплексная область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» (Карасик, 2002, с. 103).

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы при построении лекционных курсов по лингвокультурологии.

Основная часть

Удача представляется нами как благоприятное стечение обстоятельств или то, что случается с человеком, независимо от его воли. Это, на наш взгляд, ясно отображается в базовой лексеме данного концепта *табыллы*: она образована от глагола *тап* со значением «1) попасть в кого-что-либо чем-либо; 2) делать что-либо

правильно, удачно, верно» (БТСЯЯ, 2013, т. X, с. 224-225) посредством аффикса страдательного залога *-(ы)лын* (активность к действию со стороны субъекта не проявляется, здесь подразумевается активность внешних сил, которую можно понимать как распоряжение Судьбы) и посредством аффикса *-ыы*.

В современном якутском языке концепт ТАБЫЛЛЫБЫ 'УДАЧА' выражается лексемами *табыллыы, өрөгөй, уруй-туску, байанай, соргу/саргы, күннээ, хаарты таһыста, күн + POSS таһыс* и т.д. Исследования показывают, что помимо данных слов в якутском языке есть устаревшие лексемы исследуемого концепта, значения которых ныне утеряны. Так, в словаре Э. К. Пекарского (2008, т. 1-3) замечены архаизмы, репрезентирующие концепт УДАЧА: *сорсун, дьолуо, дьаралык, сарбаһын, туона, синкэн, силлэн, түөрэх, саргы дьайаан, саргы-талаан, талаан*, которые имеют общее значение «удача».

1. Исконно тюркские лексемы

Талаан. В современном якутском языке значение *удача* слова *талаан* почти утрачено. Сейчас слово *талаан* у якутов воспринимается только как фонетически адаптированное слово из русского языка *талант* «выдающиеся природные способности человека». Лексема *талаан* в якутском языке имеет три значения. Первое из них, о котором мы уже говорили, – *талант* «выдающиеся врождённые качества, талант», второе значение – «счастье, удача, везение, желательный исход дела» (сравн. хак., бур. *талаан*, казах. *талан* 'счастье') и третье, наименее используемое, но зафиксированное в словарях, – заимствование из эвенкийского языка (*талан* < *тала* 'мыться') – «круги на воде (от соприкосновения чего-либо твердого с её поверхностью)» (БТСЯЯ, 2013, т. X, с. 158-159).

Исследуемая лексема в значении *удача* зафиксирована в словаре Э. К. Пекарского: «*талан* [ср. русск. знач. и тюрк. *талан* счастье] 'талан, удача, счастье, жребий' (ср. *өрөгөй*), Тарбахпыт *талана билиһэ* 'удача (счастье) наших перстов решит (вопрос о том, кому из нас оставаться в живых)': *талана суох* 'бесталаный, бездарный, неудачливый'; *баи таланна түспүт* 'на богатое приволье привалило (много народу)'; *таланнан* [от *талан* + *лэ* + *н*] 'иметь удачу, счастье'; *таланнах* [от *талан* + *лах*] 'удачливый, удачный, счастливый'; *таланнахтык* [от *таланнах* + *тык*] 'удачливо, удачно, счастливо'» (Пекарский, 2008, т. III, стлб. 2535).

Здесь надо особо отметить, что во многих этимологических работах по русскому языку указывается, что слово *талан* является заимствованным из тюркских языков и обозначает «удача»: «*Талан* 'счастье, удача; рок, судьба, участь; барыш, прибыль' вятск. перм.; 'находка' тамб.», «*Таланливый* 'счастливый, удачный (в словаре Даля так написано. – А. П.), кому везет', *таланить* кому, безлич. 'быть счастьем, удаче, счастливить, удаваться'» (Даль, 1882, с. 398-399); «Заимствовано из тюркских, ср. чагат., тур. *talán* "добыча", казах., саг. *talán* "счастье"» (Фасмер, 1987, с. 14); «*Талан* -а, м. народно-поэт. и прост. 1) счастливая доля, судьба. – *И в Сибири люди живут. Может, я там-то и найду свой талан*» (Словарь русского языка, 1988, с. 336); «*Талан* 1. Счастливая доля, судьба; счастье; успех, удача. 2. Природное дарование, способность к чему-либо» (Ефремова, 2000); «Очень часто слово "талан" произносили в смысле "удача, счастье, судьба"» (Семёнов, 2003).

В одном из источников даже указывается время заимствования данного слова из тюркских языков в русский: «*Талан* (счастье) заимствовано в XVII в. из тюркских языков, где *талан* "счастье"; "добыча" (буквально – "награбленное") – производное от *тала*- 'грабить, хватать'» (Шанский, Боброва, 2002, с. 312). В якутском языке лексема *талаан* употребляется в парных и устойчивых сочетаниях, передавая значение «ограбить, обобрать»: *уоран-талаан ыл, талаан ыл* 'укради', что, несомненно, подтверждает вышесказанное.

В словаре Е. Н. Шиповой (1976) *талан* указывается как просторечное слово, определяется как «счастье, удача || рок, судьба, участь || обл. (вят., перм.) барыш, прибыль || находка; талантливый, удачливый, везучий, таланливый то же, таланить кому, безл. быть счастьем, удаче, везти, удаваться» (с. 304).

В современном якутском языке слово *талаан* самостоятельно не употребляется, выступает вторым компонентом в парных словах *өрөгөй-талаан, саргы-талаан*: *Өрөгөй-талаан үктэллээх Өбүгэ саха буолабыт!* (Софронов, 2005, с. 59-60). / 'Мы есть древние якуты, которым сопутствуют торжество и удача!' (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – А. П., А. Д.). В якутском эпосе олонхо всегда есть восклицания, передающие радость и ликование победы Добра над Злом: *Урдүк манан хайа саҕа / Өрөгөй-талаан үрдээтэ. / 'Восторжествовала удача размером с высокую белую гору'; Саргы дьаалы салалынна, / Өрөгөй-талаан үрдээтэ. / 'Счастье раскинулось, торжество-удача возвысилась'.*

Дьолуо. В словаре Э. К. Пекарского и «Толковом словаре якутского языка» указывается значение *удача* лексемы *дьолуо*: «*Цолуо* (Я.: *цоло*) = *цулуу* 'счастье, удача, ловкость, смелость'; *мин кісі ілім цолуотун көр аһа!* 'посмотри-ка ловкость моих рук!'» (Пекарский, 2008, т. I, стлб. 839); «*Туох эмэ үчүгэй тосхойуута, баат, дьол* 'Благо, счастье; удача, фарт'. *Дьолуота (дьолуом) биллин* – *кыйыыны-кыйтарыыны, дьолуннаах дьыаланы дьол-соргу, баат быһаардын* 'Все решит фортуна (фарт)'» (ТСЯЯ, 2006, т. III, с. 397).

Дьаралык. Данная лексема зафиксирована в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского (2008, т. I) (второе значение): «1) блестящий: *ан дайды ортотугар маҕан царалык бар үсү* (заг.) 'среди вселенной есть, говорят, белый блестящий (берестяная ураса, т.е. коническая летняя юрта)' [ср. *царалы, цярәлік* и уйг. *яруклык* 'свет, блеск, сияние'] = ²царылык; 2) 'счастье, удача' «*соргу буоллун, царалык буоллун!*» *дйән оҕонҗор аҕардәләтә* 'со словами: "счастья и удачи!" старик приветствовал' [ср. др.-тюрк. *яраклык* 'удачность']; «*туску царалык!*» *дйән аҕардәләтә* "хорошая будущность и счастье!" – так, говорят, благославляла богиня Аҕысыт новорожденного перед своим уходом'; *царалык!* – 'восклицание, употребляемое для поощрения и побуждения сказочника или певца к большему усердию'; 3) *ярлык*» (стлб. 791).

В словарной статье академического словаря значение *удача* лексемы *дьаралык* уже не указывается (ТСЯЯ, 2006, т. III, с. 314-315).

Туона. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского (2008, т. III) *туона* имеет следующие значения: «1) тоня, место, где закидывают невод; 2) центр, средоточие, лучшая часть; 3) счастье, удача. *Туона би́рддэ* ‘он дал счастье (в картах и проч.)’, *туоната уран кулу!* ‘положи-дай нам счастье! (обращение к гадалочной ложке)’; 4) имение; 5) часть имени» (стлб. 2823). В стихотворении Д. К. Сивцева – Суорун Омоллоон в форме благословения говорится: *Дьоллоох туона туонаардын, / Барҕа быһаҥ тэһийдин...* (Антология якутской поэзии, 1967, с. 136). / ‘Пусть удача да счастье отливают синевато-белым цветом, / Пусть расстилается огромное богатство’.

В «Большом толковом словаре якутского языка» (2014, т. XI) указывается уже только поэтическое значение (см. значение 3): «*Туона* сущ. 1. *Күөлгэ, өрүскэ мунханы түһэрэн таһаарар сир* ‘Участок водоёма, где ловят рыбу неводом, тóня’. 2. *Туох эмэ (хол., сир, халлаан) киэнг нэлэмэн ньуура, дуол* ‘Обширное пространство, простор’. 3. поэт. *Дьол тосхойор, төлкө олобулар, ким, туох эмэ туругуларыгар аналлаах түһүлгэ, эйгэ* ‘Место, где уготовано счастье, сопутствует удача, где расцветает всё и вся’» (с. 128).

На наш взгляд, третье значение «удача, счастье» напрямую связано с первым значением: когда якуты зимой опускают в озеро *мунха* «невод» (традиционный загонный способ подледной рыбалки) и достают из озера улов, рыболовы искренне радуются тому, чем поделилась *Эбэ* («Эбэ» ‘Бабушка’ – эвфемизм, название озера) (“Эбэбит бэристэ” – букв. Бабушка (озеро) [наша] поделилась рыбой). Ведь *мунха* – не просто рыболовство, а целый обряд, когда почти все население – и стар, и млад – идет опускать невод под лед, чтобы запастись рыбой на долгую зиму.

Не менее интересна лексема **кумулаах кииһи**. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского (2008, т. I, стлб. 1215) указывается, что она образована от куму ‘стянутый в пучок, сжатый, съезженный’: «*Кумулáх* [Adj. от куму + *лáх*]; *кумулáх илiláх* ‘человек, думающий исключительно о том, чтобы получить что-то от кого-то; тот, у кого руки загибаются’; *кумулáх кicí* ‘удачливый (при сделках всегда в барышках, в работе делает больше других; то же на промысле, на охоте)’; скряга (= *харам кicí*); *кумулáх кáпсáтiláх* ‘удачливый в договоре’» (стлб. 1216).

В современном якутском языке данное слово видоизменилось (гласная второго слога заменена на долгий монофтонг): **кумуулаах** «Табыллымтыа, соргулаах. ‘Удачливый’. [Мэхээлэчээн] булчут буолуох курдук, оҕо эрдэбиттэн булка улахан кумуулаах, тулуурдаах (Копырин, 1976, с. 115). / ‘Из него [Михайлушки], возможно, выйдет хороший охотник, он с детства очень удачлив на охоте, а еще терпелив’» (БТСЯЯ, 2007, т. IV, с. 478).

II. Заимствованные лексемы, вербализующие концепт УДАЧА

2.1. Заимствования из монгольских языков

Дьайаан. Лексема *дьайаан* встречается в составе лексической единицы *саргы дьайаан* ‘большая удача’. Само слово *дьяйаан* имеет значение «большой, густой»: «*Дол-цајан* ‘большое счастье’, *саргы-цајан* ‘большое счастье’, *туман-цајан тојугум* ‘густой туман – моя песнь (мои напевы)’, *цајаннах соноҕос ат саҕа соргу-бөҕө цајаннах буол!* ‘будь с большой удачей – величиною с молодого коня!’» (Пекарский, 2008, т. I, стлб. 775). В стихотворении П. Тобурокова (1998) родной якутский язык воспевается как удача, как сияние солнца: *Саргы дьайаан – Сахаҥ тыла, Сарыал санаа – Сахаҥ тыла!* (с. 203). / ‘Большая удача – мой язык саха, сияние мысли – мой язык саха’.

Лексема *дьяйаан* восходит к монгольскому слову ЗАЯА(Н): «ЗАЯА(Н) Јеуе)Т 1) ‘судьба, судьбина, рок, фатум, фортуна; предопределение’; *аз заяа* парн. ‘удача’; *дээд заяа* ‘верховный рок’; *зол заяа* парн. ‘счастье’; *хувь заяа* парн. ‘судьба, участь, доля’; ард *түмний хувь заяа* ‘судьба народа’; *хувь заяандаа гомдох* ‘жаловаться на свою судьбу’; *энэ заяанд* ‘в этой жизни’; *заяанд итгэх* ‘полагаться на судьбу’; *заяа муут* ‘несчастный’; *заяа мэдсэн хэрэг!* ‘будь что будет!; где наша не пропадала!; *заяагаа турших* а) ‘рисковать, делать наудачу’; б) ‘испытывать счастье’; *амар заяа үзүүлэхгүй* ‘не давать покоя’; *эзэн хичээвэл заяа хичээнэ* ‘бережёного бог бережёт’; 2) ‘перерождение’; *гурван муу заяа* ‘три дурных перерождения’; *гурван муу заяанд унах* ‘родиться среди животных или в аду’; *хойт заяа* ‘будущее перерождение’; 3) ‘воля неба; предопределение небес’; 4) нутг. ‘творец, создатель, всевышний, дух’. ЗАЯАГДАХ заяах-ын үйлдэгд. 1) ‘быть судьбою определённым, быть ниспосланным, дарованным’; 2) ‘создаваться, сотворяться’» (БАМРС, 2001, т. 1, с. 92); «*Зол заяа* парн. ‘счастье, судьба’» (с. 95). Параллель находим в диалекте алтайского языка: «**Чайаан** – судьба, доля, участь, удел, рок, способность, одаренность, талант» (Кумандинско-русский словарь, 1995, с. 118).

Сарбаһын. В словаре Э. К. Пекарского (2008, т. II) *сарбаһын* означает удача: «*Сарбáсын* [от *сарбай* + *áсын*] ‘удача, счастье’: *сарбáсыннах кicí* ‘удачливый человек (в карточной игре, на охоте)’» (стлб. 2101). Лексема образована от глагола *сарбай* «вытягивать руку или лапу с растопыренными когтями к кому-чему-либо с намерением схватить» (БТСЯЯ, 2004, т. VIII, с. 271), параллели которого находим в алтайском и монгольских языках: алт. «*сарбай* 1) разветвляться; *куу теректердин чичке будактары сарбайат* ‘тонкие ветки голых тополей разветвляются’; 2) торчать, топорщиться, растопыриваться» (Алтайско-русский словарь, 2018, с. 572); монг. «*сарвайх* протягиваться; растопыриваться; раскидываться (о ветвях); разметаться (руками, ногами)» (БАМРС, 2001, т. 3, с. 491). На наш взгляд, *сарбаһыннаах кииһи* имеет пейоративное значение.

Сорсун. Лексема *сорсун* означает «фартовитость, удачливость, талантливость, удалость, отвага»; *уол оҕо сорсуннаҕа* ‘смелейшие из молодых парней’ (Пекарский, 2008, т. II, стлб. 2286). *Уолум ыраах тыаҕа бултуу барда. Дьэ сорсуна билиэҕэ.* / ‘Мой сын пошел далеко в лес на охоту. Будет ли удачной охота, повернется ли удача к нему лицом’ (букв. узнает ли его удача (его)) (БТСЯЯ, 2004, т. VII I, с. 538). Здесь лексема *сорсун* употребляется с глаголом *бил* ‘знать’. При этом слово *сорсун* представлено в притяжательной форме: *сорсун* + (у)м *билиэҕэ*, *сорсун* + (у)н *билиэҕэ*, *сорсун* + а *билиэҕэ*. Про удачливого человека говорят *сорсуннаах* ‘умелый, предприимчивый; везучий, удачливый’, т.е. тот, у которого есть удача или имеющий удачу. *Баай уопуттаах, сорсуннаах сонордьут Чыларов эдэр булчуттары үөрэтээччи буолла* (Протождяконов, 1978, с. 8). / ‘Опытный, удачливый охотник Чыларов начал учить молодых охотников’.

Түөрэх кэбиһи ‘гадать свою судьбу, удачу’ (букв. подбрасывание ложки). Это самый древний вид гадания якутов. Считается, что такой обряд самым первым провел прародитель якутов Элэй. Так, желающему узнать свое счастье или удачу надо задумать свой вопрос и бросить ложку назад через плечо: хорошим предзнаменованием считается, если ложка упадет черпаком вверх.

Остановимся на этимологии данного слова. В словаре Э. К. Пекарского (2008, т. III) говорится, что слово *түөрэх* образовано от глагола *түөр* ‘вырывать, выкорчёвывать; выкапывать’ (с чем мы, авторы, не совсем согласны, свое объяснение даем в ходе исследования): «**Түөрэх** [от ²*tjör* + *äh*; ср. урянх. *торякь* (*торак*) ‘выпуклая сторона колотушки, которой бьют по бубну шаманы или шаманки’] – вид гадания, ворожба; всякий предмет, служащий для гадания путем подбрасывания вверх: ложка, рукавица, шапка, шаманская колотушка для бубна; благоприятным или утвердительным ответом считается, когда предмет упадет открытой или вогнутой стороной кверху; в таком случае говорят: *олоро түстэй*, в противном же случае скажут: *умса* (ничком) *түстэй*; жребий. *Ус харахтаһ айр хамыях түөрэх* ‘с тремя отверстиями пестрая гадальная ложка’; *түөрэх кэбис* ‘бросать какой-нибудь предмет с целью гадания’; *хамыях түөрэх кэбисэн* ‘гадальную ложку бросая’; *oidõх бурунан түөрэх кэбисэн кулуң!* ‘лосем-самцом поворожите-ка мне!’ (обращение к лесным духам)» (стлб. 2905-2906).

В «Большом толковом словаре якутского языка» (2014, т. XI) эта лексема объясняется как «атрибут для гадания (напр., большая ложка или колотушка от бубна)» (с. 272). Далее говорится, что «подбрасывая его вверх, получают ответ – если предмет падает открытой стороной вверх, то желаемое сбудется, в противном случае – наоборот. *Төлкөлөөх түөрэхим, Олбоһум үрдүгэр Олоро түс эрэ* (Софронов, 1965, с. 259). / ‘Түөрэх мой судьбоносный, упали-ка открытой стороной кверху (букв. упали-ка в сидячем положении)’» (БТСЯЯ, 2014, т. XI, с. 272). Приводятся в пример два фразеологизма, в составе которых есть лексема *түөрэх*: «*Түөрэхтин түгүнэр* – ким эмэ дьолун, кэскилин бис. ‘Лишать кого-либо счастья, будущего’; *Түөрэх кэбиһэр* – түөрэхти быраһан инникигин билгэлээн көр. ‘Строить догадки, предположения, гадать’. *Төһө дьоллоох сир эбитий – Түөрэхтэ кэбиһэн билиэххэ* (Суорун Омоллоон, 1959, с. 509). / ‘Счастливой ли будет здесь земля – давай узнаем, подбросив түөрэх’» (БТСЯЯ, 2014, т. XI, с. 272). Здесь для объяснения этимологии лексемы *түөрэх* впервые приводится сравнительно-сопоставительный материал из тюркских и монгольских языков: «Ср. монг. *төөрөг* ‘предопределение, рок, судьба, удача’, хак. *төрик* ‘возглас присутствующих при бросании шаманом чашки или ложки’» (БТСЯЯ, 2014, т. XI, с. 272).

Несмотря на наши сомнения относительно этимологии данной лексемы, мы считаем, что корнем лексемы *түөрэх* не является глагол *түөр* ‘вырывать, выкорчёвывать; выкапывать’, как это утверждается в словаре Э. К. Пекарского. Именно значение однокоренного образного глагола *түөрэхтэн* ‘падать кубарем, кувыркаясь’ (БТСЯЯ, 2014, т. XI, с. 272) не дает нам согласиться с Э. К. Пекарским.

В монгольских словарях находим параллель якутского слова *түөрэх* – **төөрөг**, значение которого «судьба, предопределение»: «ТӨӨРӨГ ‘предопределение, рок, судьба; фортуна’; *төөргөө үзэх* ‘гадать свою судьбу (бросая чашу, падение которой дном вверх означает неудачу)’; *төөргөө харах* ‘подчиняться судьбе, року’» (БАМРС, 2001, т. 3, с. 979); «ТӨӨРӨГ ‘предопределение, рок, судьба’; *төөргөө харах* подчиняться судьбе, року» (Монгольско-русский словарь, 1957, с. 418); «ТӨӨРӨГ 1) счастье, удача; 2) судьба, рок, жребий; *зол төөрэг* счастливый жребий (или доля)» (Черемисов, 1951, с. 445-446).

В монгольском этимологическом словаре находим, что слово *түөрэх* имеет этимон ТӨГ: «TÖGERGE [*töge-ge?] *Халх. төөрөг, бур. төөрэг* судьба, рок, предопределение; *бур. счастье, удача, счастливый жребий*» (Этимологический словарь..., 2018, с. 177).

Известный этимолог монгольских языков Т. А. Бертагаев (1974) пишет: «Слово *төө-р-өг-г* (←*төг-р-өг-г*) в монгольском и бурятском языках означает ‘счастье’, ‘удача’, ‘судьба’, ‘предопределение’, ‘жребий’. Все эти значения связаны одним стержневым значением “счастье данное, а не добытое”» (с. 31-32). Автор указывает, что буряты во время общественных жертвоприношений «после разбрызгивания *архи* (*архи* – вид алкогольного напитка наподобие вина, выгнанного из кислого молока) бросают деревянную чашку круглой формы, в которой находилось *архи*-вино, так, чтобы она вращалась вокруг своей оси во время полета, и при этом восклицают: “*Төөрөг!*”, что означает ‘*пусть вращается, пусть кружится*’. Чашка должна при этом вращаться “по солнцу” (круг и окружность для шаманов имели магическое значение). Результатом вращения предполагается то, что чаша упадет правильно, не опрокинувшись, т.е. ляжет на дно» (с. 32). Для доказательства автор приводит несколько примеров: «Ср. ст. письм. монг. *төгөриглэхү* ‘делать круглым’, ‘окружать’, ‘округлять’ от *төгөриг* ‘круг’, ‘кружок’, ‘круглый’ (→ ‘остов дуги лука’, еще не оклеенного роговыми пластинками), монг. *төг-рө-г* ~ бур. *төх-өр-рө-г* ‘круглая серебряная монета’ (→ бур. ‘рубль’, монг. ‘тугрик’ (денежная единица)» (с. 32).

Здесь надо заметить, что, хотя якутский и бурятский звуки [ө] в графике обозначаются одинаково, они имеют различные характеристики. В якутском языке [ө] является широкой гласной: «Губы при артикуляции өө вытягиваются меньше, чем при үү и ү, и образуют довольно широкую и овальную щель» (Харитонов, Дьячковский, Иванов и др., 1982, с. 42-43). А в бурятском языке при произнесении данного звука раскрытие рта неширокое: «Ө – гласный переднего ряда, лабиализованный, узкий. Губы при произношении его несколько округлены, раскрытые рта среднее (выделение наше. – А. П., А. Д.)» (Тодаева, 1951, с. 15); «Среднего ряда лабиализованное среднее; при воспроизведении этого звука язык оттягивается назад, а губы несколько округляются при среднем открытии рта» (Владимирцов, 1989, с. 162); «Знаком ö передается средний (полуузкий) лабиализованный гласный переднего ряда, произносимый халха-монголами с оттянутым назад и несколько опущенным книзу языком при умеренном раскрытии рта и при слабом округлении губ» (Поппе, 1937, с. 20). Отсюда видно, что буква ө в монгольских языках обозначает похожий на якутский переднеязычный огубленный [ү], а значит, монгольское слово *төөрөг* похоже по звучанию на исследуемую нами лексему *түөрэх*. Следовательно, мы приходим к выводу, что слово *түөрэх* образовано от глагола *төгүүй* ‘кружиться’ с корнем *тог-/төг-*.

2.2. Заимствования из тунгусо-маньчжурских языков

Одним из слов, выражающих концепт УДАЧА в якутском языке, является прилагательное *сингкэннээх*, образованное от *сингкэн* посредством аффикса обладания *-лаах*: «*Булдугар табыллымтыа, байанайдаах*. 'Удачливый в промысле'» (БТСЯЯ, 2004, т. V Ш, с. 414). Это прилагательное часто употребляется в якутской литературе при описании удачливого охотника: «*Үйэндэ үрдүнэн / Албан аатырбыт / Отуттуу кыылы охторор / Сэргэчээн диэн сингкэннээх / Булчут буура буолабын*» (Болот Боотур, 1984, с. 306). / 'Во всей Уянди / Единственный охотник / Тридцать оленей зараз добываю / Сергечан / Славный охотник я' (Болот Боотур, 1974, с. 294).

Лексема *сингкэн* считается заимствованием из эвенкийского языка, его синонимом является слово *силпэн*. Данные лексемы используются для обозначения удачи на охоте: «*Cilnän* – удача в промысле = *сиңкән*; *балык cilnänä* 'удача в рыбном промысле'. *Cilnänñāx* [от *cilnän* + *lāx*] 'удачливый в промысле' (= *сиңкәннāx*); *cilnänñāx kici* 'человек счастливый на охоте или рыбной ловле' (= *бајанаидāx kici, сиңкәннāx kici*)» (Пекарский, 2008, т. II, стлб. 2222); *сингкэн*: «*Сиңкән* – удача в промысле (= *cilnän*): *сиңкән тардар* 'шаман просит об удаче в промысле'; *сиңкәннāx* [от *сиңкән* + *lāx*] 'удачливый в промысле' (= *cilnänñāx*)» (стлб. 2232). *Сиңкән Äriлик*ом называют орла, «духа черного леса на хребте гор» (стлб. 2232). Его также описывают как «важную птицу с круглыми глазами, не опускающуюся на землю без добычи», он, как и Байанай, дух тайги, покровительствует охотникам.

В эвенкийском словаре приводятся производные от лексем *сингкэн* 'удача', связанные с охотничьими обрядами: «*Сингкэн* 1) удача (на охоте); 2) (по суеверным представлениям) дух-хозяин охотничьей территории; *сингкэлэмй* 1) 'быть счастливым, удачливым (об охотнике)'; *сингкэлэдерэн* 'ему везет (на охоте)'; 2) уст. 'добывать удачу (об охотнике)', *сингкэлэвүн этн.* 1) 'магическое убивание изображения зверя (древний охотничий обряд, букв. добывание удачи)'; 2) 'камлание перед охотой', *сингкэчй* 'счастливый, удачливый (на охоте)» (Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 355). Данная лексема является общетунгусо-маньчжурской: «*Нег. сиңкэн* 1) 'дух-покровитель охоты, дух-хозяин тайги'; 2) 'талисман (охотничий, приносящий удачу)'; *ороч. сиңкэ(н-)* 'дух-хозяин зверей'; *ульч. су(н-)* ~ *сэ(н-), суңкэ(н-)* 'талисман, амулет'; *сэнчу* 'с талисманом, с амулетом'; *сэнчу-* 'носить талисман (на шее)'; *орок. суккэ(н-)* 'талисман (охотничий)'; *нан. сү* 'талисман, амулет'» (Сравнительный словарь..., 1977, с. 91).

Эвенкийская писательница, ученый Г. И. Варламова (2002) пишет, что «у дальневосточных эвенков, а также эвенков юга Якутии душа лося связана с насекомым *сингкэн*. *Сингкэном* называют и охотничью удачу, а также амулеты, приносящие удачу в добыче зверя. Чтобы добыть лося, насекомое бросают в огонь, прося послать зверя» (с. 128).

В работе А. И. Мазина (1984) значение *синкен* определяется как амулет: «Части тела животных, птиц, рыб и т.д., которые, по мнению эвенков, являлись вместилищами душ, называли *синкен*... Эвенки собирали такие части тел промысловых животных, в которых, по их представлениям, находилась душа, и надевали их на жилую нитку, делали амулет. При этом с убитыми животными и птицей обращались по особым, веками выработанным правилам...» (с. 27).

В якутском языке слово *синкэн* приобретает уже другое значение: «*Кыыл таба холун хаптаҕайынан бултуйууну билгэлээһиннэ кыыл таба аата* 'название диких оленей при гадании на промысле по лопатке дикого оленя'» (Диалектологический словарь..., 1995, с. 161); *синкэн суола* 'след синкена': «*Кэриэрдиллибит кыыл холун хаптаҕайыгар бултуйуоҕу билгэлиир хайа барыылар* 'трещины на жжёной лопатке, предвещающие удачный промысел'» (Диалектологический словарь..., 1995, с. 161).

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что устаревших слов, репрезентирующих концепт ТАБЫЛЛЫБЫ 'УДАЧА', довольно много, они составляют периферийные слои. Выявлено, что значения некоторых из них в современном якутском языке настолько утрачены, что ассоциируются с другими понятиями (например, *талаан* воспринимается как заимствованное из русского языка фонетически адаптированное слово *талант*). Также выяснены компоненты концепта ТАБЫЛЛЫБЫ, заимствованные из монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Из тунгусо-маньчжурских языков заимствованы лексем, выражающие удачу на промысле.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении фразеологических и паремиологических единиц якутского языка, репрезентирующих концепт ТАБЫЛЛЫБЫ 'УДАЧА'.

Источники | References

1. Бертагаев Т. А. К этимологии некоторых слов в монгольских языках // Исследования по восточной филологии: к семидесятилетию профессора Г. Д. Санжеева. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1974.
2. Варламова Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.
4. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Изд-е 2-е. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

6. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX - начало XX в.). Новосибирск, 1984.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
8. Поппе Н. Н. Грамматика письменного-монгольского языка. М. - Л.: Изд-во Академии наук, 1937.
9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
10. Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии наук, 1951.
11. Харитонов Л. Н., Дьячковский Н. Д., Иванов С. А., Коркина Е. И., Петров Н. Е., Слепцов П. А. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2-х ч. М.: Наука, 1982. Ч. 1. Фонетика и морфология.

Информация об авторах | Author information

RU**Прокопьева Алена Кирилловна¹**, к. филол. н.**Дьяконова Алина Александровна²**^{1,2} Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск**EN****Prokop'eva Alena Kirillovna¹**, PhD**Dyakonova Alina Alexandrovna²**^{1,2} North-Eastern Federal University in Yakutsk¹ alonachoo@mail.ru, ² dyakonovaalina19@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.11.2022; опубликовано (published): 30.12.2022.

Ключевые слова (keywords): концепт УДАЧА; лексема; устаревшие слова; якутский язык; LUCK concept; lexeme; obsolete words; Yakut language.